

В. А. Томсинов

**Термин «правда»
в правовой культуре
Древней Руси**

Опубликовано:

Законодательство. 2017. № 2. С. 88–94

Время создания Русской Правды — не единственная загадка этого древнерусского юридического сборника. Загадочно его предназначение и происхождение, неизвестны его составители, неясны обстоятельства, при которых был составлен его первоначальный вариант. Пытаясь найти ответы на эти вопросы, исследователи выдвигали самые разные версии, но они не приближали к истине, а лишь запутывали клубок тайн¹.

Предположения о таких правовых памятниках отдаленной старины и неясного происхождения, как Русская Правда, могут основываться главным образом на их содержании и сопоставлении с другими письменными источниками, относящимися к той же эпохе. Но текст Русской Правды содержит множество загадок и весьма сложен для понимания. Объяснения требует и терминология этого юридического сборника и даже его название. Историк русского права П.Н. Мрочек-Дроздовский писал, подводя итог столетнему изучению данного юридического сборника: «В конце концов нельзя не сознаться, что, несмотря на все усилия целого ряда знатоков и исследователей наших древностей, мы до сих пор стоим пред Русской Правдой, как пред загадкой, теряемся в объяснении ее языка, ее понятий и постановлений; вместе с этим, не понимая Русской

¹ Н.В. Калачов высказывал мнение, что «Русская Правда в той форме, какую она имеет в известных нам списках, есть очевидно сборник, составленный частными лицами и в разное время таким же образом дополненный, под влиянием различных условий. Несмотря, однако, на такое значение Русской Правды, косвенным образом она нередко была признаваема официально источником права, именно включением ее в том или другом виде в Кормчие и некоторые сборники, писанные по повелению великих и удельных князей или высших духовных лиц и признаваемые ими за руководство в делах судебных» (*Калачов Н.В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846. С.45*). Этой точки зрения придерживались и другие правоведы-историки: Г.А. Розенкамф, Ф.Л. Морошкин, Н.Л. Дювернуа, В.И. Сергеевич, М.Ф. Владимирский-Буданов. Н.И. Ланге считал утверждение о том, что Русская Правда являлась не официальным документом, а всего лишь частным юридическим сборником, совершенно неосновательным. По его мнению, она представляла в различных ее списках «копии с подлинных уставов уголовного и гражданского права нескольких князей, именно: Ярослава, Изяслава с братьями и Мономаха» (*Ланге Н.И. Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1860. С. 4*). Мнение об официальном происхождении Русской Правды высказывали историки В.Н. Татищев и Н.М. Карамзин, правоведы И.Ф.Г. Эверс, А.М.Ф. Рейц, Ф.И. Леонтович, П.Н. Мрочек-Дроздовский и др.

Правды, мы плохо знаем и ту давно угасшую жизнь, в строе которой Правда была основным тоном, основной мыслию. Причина этого — в отсутствии правильного объяснения, или толкования, древней русской Правды, давно умолкшей, умершей и погребенной под тяжелыми слоями позднейшего, петербургского законодательства»². К настоящему времени обнаружено более 110 различных списков Русской Правды, но они прибавляют мало ценных сведений к тем знаниям о ней, которые были получены в течение XIX в.

Название «Русская Правда» было дано рассматриваемому юридическому сборнику его составителями или теми, кто переписывал его текст. В сохранившихся старинных списках он представляется как «Правда Роськая» или «Правда Рускаа»³ (в других вариантах: «Правда Роуськая»⁴, «Правда Русьская»⁵, «Правда Руская»⁶, «Правда Руская»⁷).

В своем исследовании данного сборника П.Н. Мрочек-Дроздовский высказал мнение о том, что название «Русская Правда», в сущности, относится только к начальной статье, текст которой оно открывает, но это мнение выглядит слишком надуманным. Петр Николаевич явно не разобрался в значении термина «правда» в этом словосочетании, иначе он не задавался бы вопросом: «В каком смысле можно принимать рубрику Правда Роськая, или Правда Руская, за название всего памятника в целом?»⁸

В Западной Европе эпохи раннего Средневековья подобные правовые памятники назывались термином «lex» (закон)⁹. Казалось

² Мрочек-Дроздовский П.Н. Исследования о Русской Правде. Вып. 1. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды. М., 1881. С. V.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 176.

⁴ Соуд Ярославль Володимирица. Правда Роуськая // Русские достопамятности, издаваемые императорским Обществом истории и древностей российских, учрежденным при императорском Московском университете. Ч. 1. М., 1815. С. 28.

⁵ Софийский временник, или Руская летопись с 862 по 1534 год / Издал Павел Строев. Ч. 1. С 862 по 1425 год. М., 1820. С. 111.

⁶ Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций / Издал Н. Калачов. М., 1846. С. 21.

⁷ Там же. С. 43.

⁸ Мрочек-Дроздовский П.Н. Исследования о Русской Правде. Вып. 2. Текст Русской Правды с объяснениями отдельных слов. М., 1885. С. 1.

⁹ В качестве примера таких правовых памятников можно привести «Lex Salica», «Lex Saxonum», «Lex Alamannorum», «Lex Baiuvariorum», «Lex Burgundionum» и

бы, и на Руси для обозначения свода правовых норм, исходивших от верховной государственной власти, более подходили термины «закон» или «право».

Некоторые правоведы, обращаясь к древнерусской правовой культуре, высказывают мнение, будто в древнерусской юридической лексике вообще отсутствовал термин «право»¹⁰. Но достаточно заглянуть в «Словарь русского языка XI–XVII вв.», выпущенный Институтом русского языка Российской Академии Наук, или в «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, чтобы убедиться в том, что термин «право» был в языке Древней Руси вполне устоявшимся юридическим термином и довольно часто употреблялся в древнерусских текстах, причем с самых ранних времен — с XI–XII веков, если не раньше, — и в нескольких смыслах, в том числе: для обозначения совокупности правовых норм или правомочия (субъективного права)¹¹.

Исследователи древнеславянской юридической терминологии давно уже установили, что слово «pravo, право» был весьма распространенным термином в праславянских языках, обозначавшим свод правил, устав, законы и т.д.¹² — все, что подразумевает и современный термин «право».

др. В переводе на русский язык каждый из них называется «правдой», но этот термин применяется в данном случае лишь потому, что отраженный в них уровень развития правовой культуры аналогичен тому, который показывает Русская Правда. В текстах западноевропейских юридических сборников нет ни одного слова, которое можно было бы, хотя бы приблизительно, отождествить с древнерусским термином «правда».

¹⁰ Так, в очерке «1000 лет в поисках “Русской правды”» Мария Захарова, представившаяся как член-корреспондент парижской Международной академии сравнительного права, пишет: «Термин “право” появился в российском юридическом обороте только в XVII веке как понятие, переводное с немецкого языка» // <https://legal.report/author/1000-let-v-poiskah-russkoj-pravdy> (см.: сноску 16). При этом она не указывает, откуда почерпнула эту весьма странную информацию.

¹¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18 (Потка–пренаачальный) / Под ред. Г.А. Богатова. М., 1992. С. 115. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том 2. Л–П. СПб., 1902. Стлб. 1348.

¹² См.: *Иванов В.В., Торопов В.Н.* О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание. VIII международный съезд славистов. Загреб–Любляна. Сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 234.

Данный термин употребляется уже в самых ранних из дошедших до нас русских летописях. Например, в рассказе о приглашении Рюрика племенами, именовавшимися чудь, словене, кривичи и весь, который изложен в Лаврентьевской летописи, говорится: «В лето 6370 (862). Изъгнаша варяги за море и не даша им дани, и почаша сами в себе володети: и не бе в них правды и въста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся; и реша сами в себе: «поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по **праву**»¹³.

В Ипатьевской летописи последняя фраза выглядит немного по-другому: «поищем сами в себе князя, иже бы володел нами и рядил по ряду по **праву**»¹⁴. О поиске князя, который бы «судил по праву», племенами русь, чудь, словене, кривичи и весь можно прочесть и в Радзивилловской летописи¹⁵, и в Новгородской первой летописи младшего извода¹⁶, и в Псковской второй летописи¹⁷, и в других летописных сводах.

Слово «право» встречается и в текстах заключавшихся в X в. договоров Руси с Византией, например: во фразе «многожды **право** судихо»¹⁸.

Характеризуя юридическую терминологию Древней Руси, П.Н. Мрочек-Дроздовский придавал особое значение термину «правда». «Словом *правда*, — утверждал он, — наши предки выражали как самое понятие права, так и все его проявления: в поступках ли людей в их взаимных отношениях, в деятельности ли власти: в суде или в письменных актах, — договоре, законе. Иного слова для выражения всех этих понятий наша старина не знала: все, что *правильно, истинно, правомерно, законно*, и есть *правда*; в этом общем родовом понятии, можно сказать, выражалось все правосозерцание наших предков»¹⁹. Однако все указанные понятия выражал и термин «право».

¹³ Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною Историко-археологической комиссией Академии наук СССР (далее: ПСРЛ). Том 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Л., 1926. Стлб. 19.

¹⁴ ПСРЛ. Том 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стлб. 14.

¹⁵ ПСРЛ. Том 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989. С. 16.

¹⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 106.

¹⁷ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 9.

¹⁸ ПСРЛ. Том 2. Ипатьевская летопись. Стлб. 24.

¹⁹ Мрочек-Дроздовский П.Н. Исследования о Русской Правде. Вып. 2. Текст Русской Правды с объяснениями отдельных слов. С. 1-2.

Он употреблялся, в частности, для обозначения юридического установления или закона, судебной юрисдикции или правомочия суда, власти, обязательства, присяги²⁰. Более того, данный термин был шире термина «правда». Слово «право» в древнерусской лексике являлось не только существительным, но и наречием, означавшим «справедливо», «честно», «правильно», «верно», «правдиво», «прямо», «воистину», «действительно», «в самом деле»²¹.

О весьма широком употреблении термина «право» в юридической лексике Древней Руси свидетельствует и наличие множества производных от него слов: «правосуд», «правосудие (правосудство)», «правоправление», «правость» (в смысле законности), «праводеяние», «правомерие», «праведный», «правный», «правая грамота» и др.²²

Все это означает, что слово «право» было в древнерусской лексике столь же употребительным юридическим термином и таким же широким по значению, как термин «правда».

Довольно употребительным было в древнерусской письменности и слово «закон». Словосочетание «закон русский» много раз встречается, например, в текстах договоров Руси с Византией X в. Так, в договоре 911 года имеется статья, гласящая: «Аще ли оударит мечем, или оубьет кацѣм²³ любо сосоудом, за то ударение или бьенье да вдасть литръ 5 сребра **по закону Роускому**»²⁴ (выделено мною. — В.Т.). В заключительной же части этого договора, приводимого в Ипатьевской летописи, сообщается, что представители князя Олега клянутся перед византийским царем «по закону и по покону» своего народа²⁵.

Термином «закон русский» обозначается здесь, вероятнее всего, не что иное, как устное обычное право, действовавшее в рамках древнерусского общества. Каких-либо записей правовых норм, которые можно было бы отнести к эпохе, предшествующей времени составления договора князя Олега с византийскими императорами, и

²⁰ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. С. 115.

²¹ Там же. С. 115–116.

²² См.: Там же. С. 115–125.

²³ В смысле: будет бить кацем («кац» — ручная кадьница).

²⁴ ПСРЛ. Том 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 34.

²⁵ ПСРЛ. Том 2. Ипатьевская летопись. Стлб. 28.

даже простых упоминаний о таких записях до сих пор не обнаружено. Следует отметить, однако, что даже если «закон русский» и представлял собой совокупность правовых обычаев, выразившихся лишь в устной форме, то это было *весьма устойчивое* образование. Не случайно, спустя тридцать четыре года содержание Олегова соглашения с византийскими властителями было воспроизведено в договоре, который заключил в 944 году киевский великий князь Игорь с правившими совместно византийскими императорами Романом, Константином (Багрянородным) и Стефаном. И в этом документе также неоднократно делалась ссылка на «закон русский», причем и в таких статьях, которые отсутствовали в более раннем договоре.

Все это свидетельствует, что слово «правда» было использовано в названии рассматриваемого юридического сборника совсем не потому, что оно было единственным в древнерусской лексике термином, пригодным для обозначения такого рода правовых памятников. Для этого вполне можно было применить и слово «право». Очевидно, что термин «правда» оказался в данном случае более подходящим, чем термины «право» или «закон».

* * *

Письменные памятники Древней Руси показывают, что слово «правда» имело по меньшей мере десять различных смыслов.

Во-первых, оно могло применяться для обозначения суда, решения споров судебным порядком, то есть мирным путем, не допускающим междоусобных войн. Об этом свидетельствует следующий текст из «Повести временных лет»: «В лето 6370 (862). Изгнаша варяги за море и не даша им дани, и почаша сами в себе володети: и не бе в них **правды** и въста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся; и реша сами в себе: “поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву”»²⁶.

Во-вторых, термином «правда» мог обозначаться оправдательный приговор суда. Согласно Никоновской летописи в 1385 году новгородцы, собравшись на вече, постановили: владыке (архиепископу) Новгородскому в своем суде «судити по греческому закону, **в правде** и в вине бытии у них, а посаднику и тысяцкому

²⁶ ПСРЛ. Том 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 19.

судити свои суды по русскому обычаю»²⁷. Выражение «**в правде** и в вине» означало в этом фрагменте соответственно оправдательный и обвинительный приговор.

В-третьих, слово «правда» подразумевало право какого-либо человека, восстановленное судом. Именно в таком значении употреблялось оно в договоре Новгорода с немцами, заключенном в конце XII века. В тексте этого соглашения говорилось, в частности: «Оже тяжа родится бес крови, снидутся послуси: и Русь, и немци, то ввергуть жеребее: кому ся выиметь, роте шедь, свою **правду** възмутъ»²⁸.

В-четвертых, «правдою» могло быть названо право кого-либо на власть. В Архангелогородском летописце под 1447-м годом приводятся следующие слова игумена Кирилло-Белозерского монастыря Трифона, сказанные великому князю Василию Васильевичу (Темному): «Государь, тот грех на мне буди и на моеи братии и на главах наших, что еси целовал крест и крепость дал на себя князю Дмитрию Шемяке; поиде, государь, з богом и с своею **правдою** на свою вотчину на великое княжение Московское, а мы, государь, за тебя бога молимся и за твоих детей и благословляем»²⁹. Фраза «с своею **правдою** на свою вотчину, на великое княжение Московское» обозначает в данном тексте **право на вотчину**, то есть **на княжение, на верховную власть** в Московском государстве.

В-пятых, термин «правда» нередко использовался для обозначения чьего-либо интереса. В Лаврентьевской летописи под годом 1176-м, в описании спора города Владимира с Ростовом и Суздалем, приводятся следующие слова: «И вси боляре, хотящее свою **правду** поставити, не хотяху сотворити **правды Божия**, но како нам любо — рекоша — тако же створим»³⁰.

Слово «правда» во фразе «и вси боляре, хотящее свою **правду** поставити, не хотяху сотворити **правды Божия**» означает: в первом

²⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Том 11. СПб., 1897. С. 85–86.

²⁸ Русско-Ливонские акты, собранные К.Е. Напьерским. Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1868. С. 2.

²⁹ ПСРЛ. Том 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 88.

³⁰ ПСРЛ. Том 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Л., 1927. Стлб. 378.

употреблении — эгоистический интерес бояр, а во втором — справедливость (правда Божия).

В-шестых, термином «правда» часто называлась присяга или клятва. Владимир Мономах в своем «Поучении» наставлял сыновей: «Да оже начнеши каятися Богу и мне добро сердце створиши, послав соль свой или епископа, и грамоту напиши **с правдою**, — то и волость възмеши с добром»³¹.

В-седьмых, термин «правда» мог использоваться в значении договора. Так, в договорной грамоте Александра Невского и его сына Димитрия Александровича с немцами, заключенной в 1257 году, говорилось: «Мир dokonчaxъм на сей **правде**: новгородцам гостити на Гоцкыи (т.е. Готский — *В.Т.*) берег бес пакости. И всему латиньскому языку на старыи мир. ... А се старая наша **правда** и грамота, на чем целовали отци ваши и наши крест»³².

В-восьмых, «правда» могла обозначать правоту кого-либо или какого-либо дела. В Лаврентьевской летописи под датой «6604 год» (1096) описывается конфликт, возникший вследствие захвата Мурома, принадлежавшего князю Олегу Святославичу, войском князя Изяслава Владимировича. Князь Олег предложил Изяславу очистить город, но Изяслав, надеясь на своих воинов отказался кончить данный конфликт миром. Летописец по этому поводу заметил: «И не послуша Изяслав словес сих, надеясь на множество вои[нов]. Олег же надеясь на **правду** [свою], яко прав бе в сем Олег»³³.

Другой яркий пример употребления термина «правда» в значении «правоты» представляет встречающееся в летописной литературе выражение «Не в силах Бог, но в **правде**». В Житии благоверного св. князя Александра Ярославича рассказывается, что именно такими словами он ободрял свою дружину перед битвой на реке Неве. Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище» князь Андрей

³¹ Там же. Стлб. 254. В этом значении слово «правда» употреблялось и в XV в., о чем свидетельствует статья 47 Судебника 1497 г., в которой говорится: «А кто купит на чюжей земли что, а поймаются у него, и толко у него свидетелей два или три люди добрые скажут по праву, что перед ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поимались, и целования ему нет; а не будет у него свидетелей, ино ему **правда** дати».

³² Русско-Ливонские акты. С. 9.

³³ ПСРЛ. Том 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть Временных лет. Стлб. 237.

и Дмитрий Ольгердовичи советовали Дмитрию Донскому применить в предстоящей битве на Куликовом поле наступательную тактику. «Аще хоцещи крепкого бою, — говорили они, — то повели сего дни реку возитися, да не будет ти ни единого мыслящего назад; всяк бьется безо лъсти; а велицей силе его (Мамаю) речем несть веровати, яко не в силах Бог, но в **правде**»³⁴. Бог помогает правому, — подразумевает данное выражение, то есть слово «правда» обозначает в нем правоту.

В-девярых, словом «правда» в древнерусском обществе называлась справедливость. В качестве примера такого употребления этого термина можно указать на приведенное в «Слове о законе Моисеевом и Благодати Божьей» следующее обращение митрополита Иллариона к великому князю Владимиру: «Радуйся, учителю нашъ и наставниче блаверию! Ты **правдою** бе облечен, крепостию препоясан, истиною обут, съмысломъ венчанъ и милостынею, яко гривною, и утварью золотою красуюся»³⁵.

И наконец, **в-десярых**, термин «правда» употреблялся для обозначения свода правовых норм. Именно такой смысл придается ему в выражениях «А се есть **правда** рускаа»³⁶ и «**Правда** уставлена Руской земли...»³⁷, которые приводятся в Новгородской первой летописи младшего извода. Или в сообщении из «Псковской первой летописи»: «В лето 6567 (т.е. в 1059 г. по христианскому календарю). Преставися князь Ярослав, иже **Правду** оустави»³⁸ (выделено мною. — В.Т.).

* * *

Указанными значениями древнерусский термин «правда» не исчерпывался. Каждое из этих значений имело несколько смыслов или оттенков. В рамках судебной деятельности слово «правда» обозначало иногда не только судебное решение, но и свидетельские

³⁴ Поведание и сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича Донского // Русский исторический сборник, издаваемый императорским Обществом истории и древностей российских. Том 3. Книжка 1. М., 1838. С. 39.

³⁵ Слово о законе и благодати митрополита Киевского Иллариона // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева и др. Том 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 52.

³⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 176.

³⁷ Там же. С. 177.

³⁸ Псковская первая летопись // Псковские летописи. Вып. 1. М.-Л., 1941. С. 9.

показания. В применении к договору данный термин мог означать не только соглашение, но и договорные условия, то есть один из элементов договора.

Обобщающая оценка всех значений, которые заключал в себе древнерусский термин «правда», позволяет более или менее точно определить его отличие от термина «право». *«Правдой» чаще всего назывались явления, связанные так или иначе с процедурой суда, с судебной деятельностью.* Оба этих термина применялись для обозначения свода правовых норм, но термин «право», в отличие от термина «правда», явно имел более общий смысл. Им можно было назвать просто свод правовых норм. *Но если требовалось обозначить свод правовых норм, специально предназначенных для применения в судах, для вынесения судебных решений, то для этого случая более подходил термин «правда».*

В свете подобных фактов становится более ясным подлинный смысл названия юридического сборника «Русской Правдой». Это название указывало на главное свойство сборника, а именно: *его предназначение служить судебником.* Поэтому название **«Русская Правда»** можно с полным основанием считать синонимичным названию **«Судебник для Русской земли»**.

С этой точки зрения интересно, что юридическая техника Русской Правды позднее нашла свое применение при создании Псковской и Новгородской судных грамот. «Псковская Судная грамота для гражданского права представляет собою и в формальном и в материальном отношении настоящее продолжение Русской Правды»³⁹, — писал по этому поводу Н.Л. Дювернуа.

Вместе с тем ученый отмечал, что Русская Правда показывала «в разработке и группировке юридических положений» иногда очень ясную точку зрения юридического института. По его мнению, «методический прием» этого юридического сборника был «вне всякого сомнения выше, чем в Псковской Судной грамоте или в Судебнике Ивана III»⁴⁰. То есть Русская Правда не только по содержанию, но и по своей юридической технике создавалась как типичный судебник.

³⁹ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. М., 1869. С. 307.

⁴⁰ Там же. С. 110–111.

Любопытно, что в варианте Псковской первой летописи, изданном историком М.П. Погодиным в 1837 году, в сообщении о смерти великого князя Ярослава, после слов «правду устави» было добавлено весьма примечательное с этой точки зрения уточнение. Текст сообщения получил поэтому следующий вид: «В лето 6567 преставися Князь Ярослав, иже правду устави, **Судебник**»⁴¹ (выделено мною. — В.Т.). Сейчас уже невозможно установить, было ли слово «судебник» в летописном тексте, с которым работал М.П. Погодиным, или историк сам вставил его, в качестве уточнения к словам «правду устави», но в любом случае это добавление подтверждает вывод о том, что «Русская Правда» есть не что иное, как «Русский судебник».

⁴¹ Псковская летопись, изданная на иждивении Общества истории и древностей российских, при Московском университете, М. Погодиным. М., 1837. С. 5.